

Собака — эпизод 2 из 7

Однако, я вижу, вы не трусливого десятка, с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил Антон Степаныч. Сейчас видно гусара! Вас-то я бы ни в каком случае не испугался, промолвил Порфирий Капитоныч и на мгновение действительно посмотрел гусаром. Но слушайте далее.

Приезжает ко мне один сосед, тот самый, с которым я в картишки перекидывал. Пообедал он у меня чем бог послал, спустил мне рубликов пятьдесят за визит; ночь на дворе убираться пора. А у меня свои соображения. Останься, говорю, ночевать у меня, Василий Васильич; завтра отыграешься, даст бог. Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. Я ему кровать у себя же в спальне поставить приказал... Ну-с, легли мы, покурили, покалякали всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется; смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной ко мне повернулся; значит: шлафензиволь¹. Я подождал маленько и тоже погасил свечку. И представьте: не успел я подумать, что, мол, теперь какой карамболь произойдет? как уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: из-под кровати вылезла, через комнату пошла, когтями по полу стучит, ушами мотает, да вдруг как толкнет самый стул, что возле Василия Васильевичевой кровати! Порфирий Капитоныч, говорит тот, и таким, знаете, равнодушным голосом, а я и не знал, что ты собаку приобрел. Какая она, легавая, что ли? У меня, говорю, собаки никакой нет и не бывало никогда! Как нет? а это что? Что это? говорю я, а вот зажги свечку, так сам узнаешь. Это не собака? Нет. Повернулся Василий Васильич на постели. Да ты шутишь, чёрт? Нет, не шучу. Слышу я: он чёрк, чёрк спичкой, а та-то, та-то всё не унимается, бок себе чешет. Загорелся огонек... и баста! След простыл! Глядит на меня Василий Васильич и я на него гляжу. Это, говорит, что за фокус? А это, говорю я, такой фокус, что посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой Фридриха Великого, так и те ничего не разберут. И тут же я ему всё в подробности рассказал. Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обожженный! В сапоги-то никак не попадет. Лошадей! кричит, лошадей! Стал я его уговаривать, так куда! Так и взахался. Не останусь, кричит, ни минуты! Ты, значит, после этого оглашенный человек! Лошадей!.. Однако я его уломал. Только кровать его перетасили в другую комнату и ночники везде запалили. Поутру, за чаем, он остепенился; стал советы мне давать. Ты бы, говорит, Порфирий Капитоныч, попробовал на несколько дней из дому отлучиться: может, эта пакость от тебя бы отстала. А надо вам сказать: человек он сосед мой был ума обширного! Тещу свою, между прочим, так

обработал чудесно: вексель ей подсунул; значит, выбрал же самый чувствительный час! Шёлковая стала; доверенность дала на управление всем имением чего больше? А ведь это какое дело тещу-то скрутить, а? Сами извольте посудить. Однако уехал он от меня в некотором неудовольствии: я-таки его опять рубликов на сотню наказал. Даже ругал меня; говорил, что ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват? Ну, это само собою, а совет я его к сведению принял: в тот же день укатил в город, да и поселился на постоялом дворе у знакомого старичка из раскольников.

Почтенный был старичок, хотя и суров маленько по причине одиночества: вся семья у него перемерла. Только уж очень табаку не жаловал и к собакам чувствовал омерзенье великое; кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться скорей бы сам себя пополам перервал! Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама Владычица пребывать изволит, и тут же пес поганый рыло свое нечестивое уставит. Известно необразование! А впрочем, я такого мнения: кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся!

Да вы, я вижу, великий философ, вторично и с тою же усмешкой перебил Антон Степаныч.

Порфирий Капитоныч на этот раз даже нахмурился.

Какой я философ, это еще неизвестно, промолвил он с угрюмым подергиваньем усов, но вас бы я охотно взял в науку.

Мы все так и впились в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал горделивого ответа или хотя молниеносного взгляда... Но господин статский советник перевел свою усмешку из презрительной в равнодушную, потом зевнул, поболтал ножкой и только!

Вот у этого-то старичка я и поселился, продолжал Порфирий Капитоныч.